

АРХИТЕКТУРНАЯ ДИНАМИКА ФОРМООБРАЗОВАНИЯ СОВЕТСКОГО НЕОКЛАССИЦИЗМА В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ 1930–1950-х ГОДОВ

Костова Евгения Викторовна

аспирант кафедры основ архитектурного проектирования, истории архитектуры и градостроительства.

Научный руководитель: кандидат архитектуры, доцент Е.В. Хиценко.

ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств».

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2907-4375>

Россия, Новосибирск, e-mail: interdesign.e@yandex.ru

УДК: 72.01

DOI: 10.47055/1990-4126-2021-3(75)-9

Аннотация

Развитие советской неоклассики в Западной Сибири рассматривается с позиций системно-генетического подхода как преемственный процесс на основе трехстадиальной схемы системного отбора: диверсифицирующий, направляющий и стабилизирующий отбор архитектурных форм. Выявляется региональная специфика западносибирского варианта советского неоклассицизма, которая состоит в значительном преобладании регулятивной функции отбора форм над функцией их творческого комбинирования при более широком базисе и материале отбора по сравнению со столичной архитектурой, развивающейся в более благоприятных условиях. По этой причине западносибирский периферийный аналог советского неоклассицизма выступил как сильное звено в единой системе имперской архитектуры СССР, развиваясь по линии усиления духа коллективизма с ослабленными национальными архитектурными формами и менее выраженным духом индивидуализма.

Ключевые слова:

советская неоклассика, «сталинский ампи́р», архитектурное формообразование, архитектура Западной Сибири, системный подход

ARCHITECTURAL DYNAMICS OF FORM-BUILDING IN THE SOVIET NEOCLASSICISM IN WESTERN SIBERIA IN THE 1930s – 1950s

Kostova Evgeniya V.

Doctoral student, Department of Fundamentals of Architectural Design, History of Architecture and Urban Planning.

Research supervisor: Associate Professor E.V. Khitsenko, PhD. (Architecture),

Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2907-4375>

Russia, Novosibirsk, e-mail: interdesign.e@yandex.ru

УДК: 72.01

DOI: 10.47055/1990-4126-2021-3(75)-9

Abstract

The development of Soviet neoclassicism in Western Siberia is considered from the perspective of a system-genesis approach as a successive process involving a three-stage scheme of system selection:

diversifying, directing and stabilizing selection of architectural forms. The regional specifics of the Western Siberian variant of Soviet neoclassicism are established as consisting in considerable prevalence of the regulatory function in form selection over the function of their creative combining, given a broader base and material for making choices compared with the metropolitan architecture, which developed in more favorable conditions. For this reason, the Western Siberian peripheral analog of Soviet neoclassicism emerged as a strong link in the integral system of USSR's imperial architecture, playing into the enhancement of the spirit of collectivism with weakened national architectural forms and less expressed spirit of individualism.

Keywords:

Soviet Neoclassicism, Stalin's Empire style, architectural form building, architecture of Western Siberia, systems approach

Введение

В историографии советского неоклассицизма проблема генезиса данного архитектурного стиля решается двумя способами: через противоположные понятия прерывности и преемственности. Широко распространена концепция архитектурного креационизма, которая интерпретирует развитие советской неоклассики прежде всего как прерывный, дискретный процесс между двумя переломными точками бифуркации 1932(33) и 1954 гг., обозначающими, как своего рода скачки над пропастью, завершение двух противоположных периодов – конструктивизма и неоклассики. «И оба эти периода на взлете генерирования стилеобразующих идей были грубо прерваны и развернуты на 180° официальными органами» [10]. В соответствии с советской системой централизма в управлении архитектурой эти «периоды волевого слома» стереотипно прослеживаются как в центре, так и в периферийных частях системы, в том числе и в Западной Сибири. В данной концепции архитектурная преемственность и региональная специфика уходят на второй план или вообще отрицаются.

Однако при конкретном фактологическом исследовании реального архитектурного процесса на такой точке зрения не всегда получается удержаться. Подробно изучив архитектурно-градостроительную ситуацию 1945–1955 гг., Ю.Л. Косенкова и Ю.П. Волчок, с одной стороны, отмечают, что «постоянные изменения творческой направленности, характерные для советской архитектуры, зачастую не вытекали из ее внутренней логики, формирующей профессиональные тенденции, а в большей мере были подвержены преходящим обстоятельствам и умонастроениям», т.е. все тем же волюнтаристским периодам партийно-политического развития. Но при этом сами исследователи определенно заявляют себя сторонниками концепции эволюционной, «накопительной» хронологизации советской архитектуры как непрерывного архитектурного процесса, утверждая, что «логика осмысления истории “по периодам”... по датам партийно-правительственных постановлений... разрушает связи, обеспечивающие сохранность целого» [4, с. 1-2]. Действительно, внутренняя логика в развитии советской архитектуры имеется, но ее можно выявить не столько описательно-хронологическим методом, который последовательно применяют указанные авторы, сколько с помощью системно-исторического подхода и системно-генетической периодизации советской неоклассики. Более того, системный подход позволяет обнаружить за общей хронологической схемой также и региональную специфику советской неоклассики в Западной Сибири.

Таким образом, архитектурный эволюционизм представляется методологически более предпочтительным как концепция непрерывности, в которой делаются попытки нахождения смысловых «мостов» над «обрывами» и переломными пунктами архитектурного развития советской неоклассики, акцентируется стилистическая преемственность, ретроспективизм и историзм,

континуитет вместо перерывов и прыжков. С системной точки зрения смена архитектурных парадигм 1932(33) и 1954 гг. в советском архитектурном процессе – это не «квантовые» скачки волюнтаризма, а вполне закономерные сдвиги, объясняемые с помощью схемы системного отбора архитектурных форм.

Применение системного подхода дает возможность раскрыть общий принцип и стадии системного отбора форм в архитектуре советского неоклассицизма Западной Сибири. Сама по себе теория отбора в системной методологии является достаточно разработанной: системы – повсюду, и их развитие идет через изменчивость форм и отбор [9, с. 68–70]. Применяя данную схему, в архитектурной динамике советского неоклассицизма можно выделить разные по своей интенсивности модусы системного отбора. Если рассматривать всю советскую архитектуру от ленинизма до позднего сталинизма, то общая тенденция отбора архитектурных форм, начавшись с послереволюционной динамики, постепенно приобретала все более консервативный и сравнительно устойчивый характер в полном соответствии с логикой исторического развития советской империи.

На первой стадии (1917–1932/33), в условиях крайне изменчивой социально-политической и культурной среды в советской архитектуре преобладал разнообразящий, диверсифицирующий модус отбора, центробежное действие которого вело к выработке двух оптимальных моделей архитектуры – конструктивизма и неоклассицизма – с постепенным устранением всех промежуточных типов. Эти два оптимума советской архитектуры формально конкурировали между собой, субстанционально выражая одно и то же содержание – дух коллективизма (рис. 1).

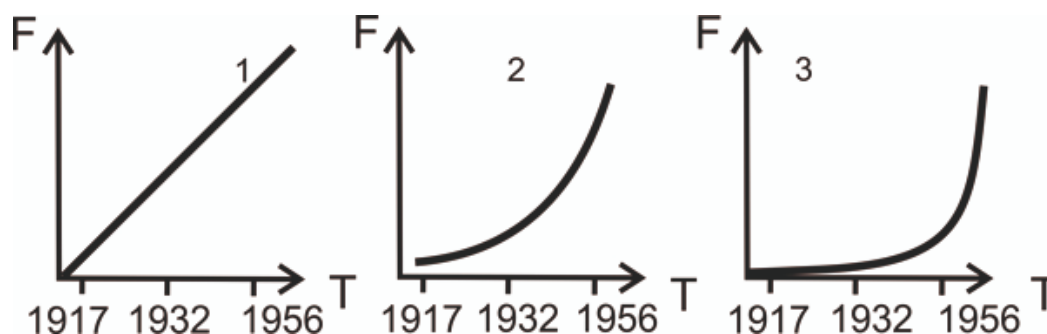

Рис. 1. Модели роста конструктивизма и неоклассики в центре и на периферии.

1 – линейный рост конструктивизма в центре и на периферии;

2 – экспоненциальный рост советского неоклассицизма в центре (в столичных городах СССР, где требовалось больше усилий на преодоление конструктивизма);

3 – гиперболический, более умеренный рост советского неоклассицизма на западносибирской периферии (где требовалось меньше усилий на преодоление конструктивизма из-за влияния дореволюционного неоклассицизма А.Д. Крячкова, К.Е. Осипова и др.).

F (forms) – неоклассические архитектурные формы; T (time) – хронологическая шкала.

Здесь и далее в статье приводятся авторские графические модели, разработанные на основе контент-анализа эмпирического материала и научной литературы.

На второй стадии (1932/33–1941), в условиях уже консервативной среды в связи с историческим взлетом империи СССР происходит смена советской архитектурной ситуации, в том числе и в Западной Сибири, усиливается направляющий системный отбор архитектурных форм, который приводит к формированию единой оптимальной структуры имперского архитектурного стиля и к ее прогрессивному изменению. Такой сознательно направленный, формирующий отбор благоприятствует частоте проявлений ордерных комбинаций и подавляет безордерные сочетания. Центростремительное действие такого движущего отбора форм приводит к фиксации ведущего оптимума коллективистической архитектуры, который и расцветает в послевоенный период развития в виде «сталинского ампира» 1945–1954 гг. (третья стадия). Это уже стабилизирующий системный отбор архитектурных форм: его действие нормализующее

и канализирующее, а его роль консервативна. Все крайние и менее оптимальные стилистические варианты отменяются, отклонения от нормы не поддерживаются, сохраняется и воспроизводится все наиболее типичное. Такой отбор форм способствует финальной стабилизации имперского архитектурного стиля, подготавливая почву для очередного диверсифицирующего отбора, который неизбежно наступит после того или иного изменения среды и высвобождения подавляемых формообразующих вариантов и комбинаций (рис. 2).

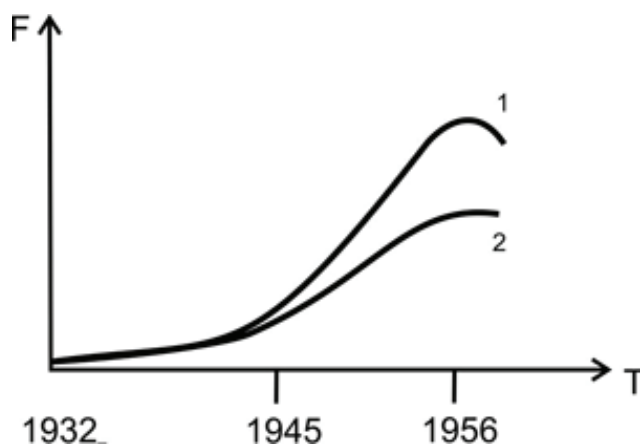

Рис. 2. Стилистический переход от конструктивизма к неоклассицизму в столичной и западносибирской советской архитектуре.

Критически резкое увеличение числа применяемых неоклассических архитектурных форм.

1 – неумеренный столичный неоклассицизм; 2 – умеренный западносибирский неоклассицизм.

F (forms) – неоклассические архитектурные формы; T (time) – хронологическая шкала

Параллельно с конца 1940-х гг. в советской архитектуре наблюдается переход к матричному отбору форм с ориентацией на типовое строительство, когда ничего принципиально нового не создается, а только копируются уже существующие модели. Процесс развития советского неоклассицизма формально завершает уже так называемый «хрущевский утилитаризм» как непластичный архитектурный изоморфизм – штамповка и репродукция типовых зданий в безордерном варианте, что становится функционально полезным на новом этапе развития советской архитектуры (рис. 3).

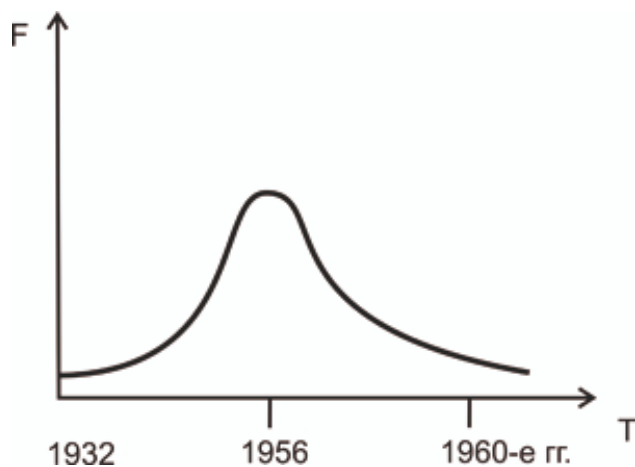

Рис. 3. Системное моделирование советского неоклассицизма в Западной Сибири в виде обобщенной графической модели его развития.

Количество применяемых неоклассических архитектурных форм как показатель развитости советского неоклассицизма.

F (forms) – неоклассические архитектурные формы; T (time) – хронологическая шкала

Изложенная трехстадиальная схема архитектурной динамики советского неоклассицизма, которая объясняет системную логику его развития, преодолевающую алогизм партийно-правительственных решений, несомненно, нуждается в дальнейшей конкретизации. Для этого необходимо раскрыть внутренние противоречия системного отбора форм в архитектуре советского неоклассицизма в Западной Сибири.

Системный отбор архитектурных форм имеет свой организационный механизм, основа которого – технические возможности советской архитектуры. Невозможно создать художественный образ советского здания из абстрактной идеи о советском здании путем анализа чисто идеологических понятий: в этом вопросе нужно идти от технической практики, т. е. от современных индустриальных методов производства и материалов. Форма следует за функцией (арх. Л. Салливан, арх. А.К Буров). Идея советской архитектуры вырабатывается из художественных образов советской архитектуры, а эти образы возникают из архитектурной практики методом проб и ошибок, усиливая основное архитектурное противоречие – между культурными традициями и техническими новациями. Это общий момент как для центра, так и для периферии советской архитектурной системы.

Преимущественные имперские архитектурные формы группируются в сложные и изменчивые комбинации нового идейного содержания и подвергаются регулирующему действию системного отбора, в ходе которого происходит сохранение, упрочение и развитие одних технических приемов и устранение, ослабление, разрушение других в условиях стабильной, но не однородной архитектурной среды советского неоклассицизма. В отличие от столичных центров эта среда была более неблагоприятна для западносибирской периферии, в архитектуре которой жесткая регулятивная функция системного отбора значительно преобладает над творческой функцией комбинирования архитектурных форм. Творческая инициатива западносибирских архитекторов сталкивалась с множеством разного рода местных ограничений и регулирующих норм. Примечательно, что целый ряд высокопрофессиональных проектов столичных мастеров не выдержал критического давления западносибирского системного отбора (например, проект московского архитектора М.Ф. Оленева, который в 1937 г. представил свой вариант реконструкции новосибирского Дома Ленина под Дворец пионеров)¹.

Наиболее характерные архитектурные формы советского неоклассицизма, составляющие материал системного отбора, его внутрисистемный базис, – это ордер, башня, шпиль, эркер, портик, арка, балкон, консольный карниз, лепнина и декор (рис. 4). К ним следует добавить такие послевоенные канонические композиционные формы (античные и древнерусские), как эпичный былинный курган, пирамида, традиционный зиккурат, обелиск, пантеон, героический монумент, военно-оборонительная крепостная стена, пропилеи и триумфальная арка победы, вечнозеленый парк.

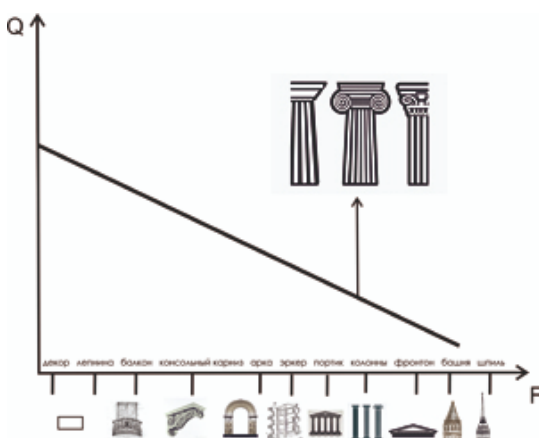

Рис. 4. Распространенность архитектурных форм западносибирского неоклассицизма в проектах и постройках в зависимости от степени их классичности. Место ордера среди других архитектурных форм советской неоклассики.

Q (quantity) – количество; F (forms) – неоклассические архитектурные формы

На третьей стадии развития советского ампира происходит тотальное усиление ордерных архитектурных форм. Более того, в советском неоклассицизме именно ордер как простой, экономичный и при этом универсально-организующий технический прием становится основным элементом системного архитектурного отбора. И в центре, и на периферии наблюдается систематическое использование ордера – творческая переработка ордерных форм, локальное или частичное применение ордера в отдельных частях композиции (например, при обработке входа, в лоджиях и в эркерах, в обособленных этажах и т.п.), различные модификации ордера. Для западносибирской архитектуры данного периода в структуре фасадов характерно применение как колоссального («гипертрофированного»), так и малого ордера.

Несомненно, что огромную роль в отборе архитектурных форм западносибирского «сталинского ампира» играло подражание столичным образцам и классическому наследию прошлого, а также прямая борьба между конструктивистами и неоклассицистами и косвенные противоречия между сибирскими и столичными архитекторами. Эти процессы являются постоянным фактором концептуального развития западносибирской неоклассики.

Как отмечает Н.П. Журин, «ведущие лидеры “новосибирского авангарда” – Н.С. Кузьмин, Б.А. Гордеев, С.П. Тургенев, Н.В. Никитин, А.Н. Ширяев реализовали геометричные, неисторические супрематические приемы ар-деко в сочетании с использованием упрощенных классицистических деталей в своих предвоенных проектах жилых домов, общественных и административных зданий в предвоенном Новосибирске, что оказывалось наиболее близко к декору фасадов общественных и административных зданий предвоенной Западной Европы и США» [3, с. 43]. Однако подобная формальная близость архитектурно-художественных приемов отечественной и западной архитектуры не должна вводить в заблуждение. Ар-деко – это всего лишь один из «стилистических языков» (наряду с конструктивизмом и неоклассикой), на котором изъяснялась имперская архитектура советского коллективизма. Например, коллективистская символика стоквартирного дома (жилой дом работников исполкома Западно-Сибирского края, Новосибирск, арх. А.Д. Крячков, В.С. Масленников, 1934–1937 гг.) была выражена на языке «стилистических предпочтений французского архитектора О. Перре», и это «было с пониманием воспринято на Всемирной выставке в Париже 1937 г., на которой проект сибиряков был удостоен диплома “Гран-при”» [3, с. 45]. Понятно, что труды В.И. Ленина и И.В. Сталина на чисто русском языке Запад в своей массе не был готов осваивать, а только в переводах на европейские языки (хотя в своё время К. Маркс изучал русский язык, чтобы читать работы Н.Г. Чернышевского, но такие случаи единичны), так же как и имперский стиль советской архитектуры в подлиннике не мог быть адекватно воспринят на Западе, а только в соответствующей и доступной архитектурной подаче.

Хотя регулятивность отбора в архитектуре западносибирского неоклассицизма была жестче по сравнению с центром, но материал и базис отбора архитектурных форм в Западной Сибири объективно был шире. Западносибирские архитекторы могли осваивать и комбинировать любые архитектурные образцы, с которыми работали столичные и мировые архитекторы – им был доступен весь объем коллективного профессионального опыта, в то время как центр не подражал периферии и практически не использовал западносибирский архитектурный опыт в своих проектах. Более значительный материал при более жестком отборе позволял западносибирским мастерам достигать максимального архитектурного монизма и лаконичного эстетического совершенства. Новосибирский железнодорожный вокзал и оперный театр – это непревзойдённые образцы имперской архитектуры коллективизма, по сравнению с которыми их немецкие формально-образные аналоги (купольное здание «Большой зал» в проекте Берлина как «столицы мира Германии» и национал-социалистский храм Третьего Рейха в проекте Линца 1939 г.) смотрятся как ограниченное периферийное подражание.

По причине указанной региональной специфики системного отбора архитектурных форм западносибирский вариант советского неоклассицизма выступал как сильное звено единой советской имперской архитектуры. В силу индустриального интернационализма в нем проявилось меньше национального своеобразия, чем в столичных городах СССР, зато в большей степени воплотился дух коллективизма.

В критических условиях военного времени в Западной Сибири актуализировалась проблема массового жилищного строительства для эвакуированного населения и промышленных предприятий. Правительственная программа облегченного типового жилищного строительства (постановление СНК от 13.09.1941 г.) подразумевала решение этой безотлагательной задачи с помощью столичных уполномоченных и местных архитектурных сил на основе исключительно местных строительных материалов и конструкций без завоза извне². Среди командированных в Западную Сибирь крупнейших столичных мастеров были уполномоченный Союза советских архитекторов А.И. Гегелло, В.Л. Гофман, А.П. Максимов, А.Г. Мордвинов, В.Ф. Райлян, Е.Г. Чернов, С.Е. Чернышёв и др. Западносибирские архитекторы с этой задачей успешно справились.

В первые годы войны развернулось широкое взаимодействие и смешение между сибирской и столичными архитектурными школами: в Западную Сибирь приехало «много архитекторов и проектных организаций, которые привезли и свои методы, и свой подход к работе» (всего около 70 человек)³. Но в силу односторонности поставленной военным временем задачи это взаимодействие оказалось поверхностным: ассимиляции столичного профессионального опыта сибирскими архитекторами не произошло. Центр был не заинтересован в утечке своих архитектурных кадров на периферию, в том числе и молодых специалистов. «В Новосибирске в период военного времени проживало много только что окончивших строительные архитектурные вузы Украины, Москвы, Ленинграда», которые неоднократно пытались вступить в члены Сибирского Союза архитекторов, но «Всесоюзное Правление категорически отказало им в приеме»⁴. Со старыми столичными мастерами совместная работа тоже не сложилась. Как констатировал новосибирский архитектор Н.Г. Васильев, «к нам приехали товарищи, которых мы знали по журналу Истории архитектуры СССР, на которых мы смотрели всегда так: “вот если бы нам с ними поработать”. Приехали в Новосибирск величины большого порядка, и мы в течение двух с половиной лет плохо использовали этих людей. Они уже уехали от нас. Костяк, который работал здесь, мало общался с ними. Здесь была бригада Академии архитектуры. Эта бригада уехала, отчиталась по своей работе по проектированию. Большой ошибкой Союза в целом как организации было то, что мы мало извлекли того, что могли бы извлечь от больших работников, как архитекторов, так и строителей»⁵.

В сентябре и ноябре 1941 г. на базе Новосибирского инженерно-строительного института были размещены эвакуированные Днепропетровский и Московский инженерно-строительные институты со своими студентами и профессорско-преподавательским персоналом. Однако интеграции столичных мастеров и молодых специалистов в сибирское архитектурное сообщество так и не произошло. В условиях военного кризиса было не до обмена теоретическим архитектурным опытом и не до «графических вычислений», решались конкретные строительные задачи: постройка колоссального количества землянок, размещение промышленных предприятий, когда в Новосибирске, Кемеровской области, Омске и Барнауле были построены сотни больших заводов.

Вторая мировая война дестабилизировала до того времени достаточно устойчивую архитектурную среду советского неоклассицизма, но не разрушила социально-политический строй СССР, а потому, наоборот, законсервировала советскую архитектуру и способствовала усилению модернистической тенденции имперского архитектурного стиля. Таким образом, поскольку советская

неоклассика успешно выдержала отрицательный системный отбор 1941–1945 гг., преодоление общесистемного кризиса военного времени не привело к устранению ордерных архитектурных приемов, тем более что именно ордер своей организующей эстетикой в наивысшей степени позволял выразить и закрепить имперское величие советского государства после великой победы. По этой причине в послевоенный период стилистическое влияние ордерных форм на советскую архитектуру не только не ослабевает, а наоборот, многократно усиливается и проявляется с максимальной полнотой (рис. 5). Сибиряки внесли мощный вклад в победу в Великой отечественной войне, что должно было найти соответствующее архитектурное выражение.

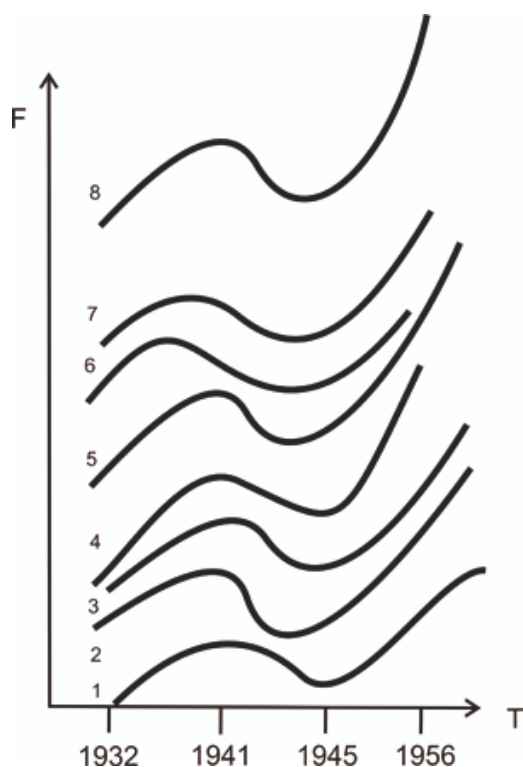

Рис. 5. Специфика роста советского неоклассицизма в центре и на периферии (по отдельным городам западносибирского региона). Общие очертания гиперболы совпадают, но в каждом сибирском городе наблюдается свое специфическое искривление – на отдельных отрезках средний рост, максимальный рост, запаздывающий рост.

По сравнению с западносибирской кривой развития налицо более гладкая гипербола ускоряющегося развития советского неоклассицизма в СССР.

1 – Новосибирск; 2 – Кемерово; 3 – Барнаул; 4 – Новокузнецк; 5 – Омск; 6 – Томск;

7 – западносибирский советский неоклассицизм в целом; 8 – советский неоклассицизм в столичных городах СССР.

F (forms) – неоклассические архитектурные формы; T (time) – хронологическая шкала

В то время как в столичной архитектуре по имперской логике происходит усиление архитектурных форм русского классицизма, в Западной Сибири эта тенденция почти не прослеживается. Конечно, Новосибирск, Кемерово, Новокузнецк, Барнаул – это не древнерусские города, перегруженные балластом авторитарного прошлого, а советские «новограды», устремленные в коллективистическое будущее. Русские классические архитектурно-художественные традиции в них проявились в слабой степени (например, в работах новосибирского архитектора В.К. Петровского или барнаульского архитектора Я.Н. Додицы), зато в наибольшей степени реализовался формальный инвариант архитектуры коллективизма.

Историческая архитектура старых городов Западной Сибири (Тобольск, Омск, Кузнецк, Томск, Барнаул, Гурьевск, Колывань, Сузун) – это преимущественно традиционное деревянное народное зодчество с минимальными элементами барокко и значительными вкраплениями русского ампира в промышленной и социальной инфраструктуре (корпуса сибирских плавильных за-

водов, казенные и гражданские здания, магазины, храмовые постройки, купеческие особняки, дворянские усадьбы). Деревянная сибирская архитектура с древним орнаментом осталась в патриархальном прошлом, а эстафета уже угасающей заводской архитектуры эпохи государственного капитализма в Сибири была удачно подхвачена советской индустриальной архитектурой коллективизма. В городах угольной промышленности Южного Кузбасса (Междуреченск, Мыски, Тырган и др.) капитальное многоэтажное строительство из-за неблагоприятного горного рельефа вообще разворачивается только в послевоенное десятилетие в условиях мощного технологического прорыва и открытия новых угольных разрезов и шахт [1, с. 90]. Выдающийся столичный архитектор А.В. Щусев, оптимально подбирающий частные национальные формы под универсальное советское содержание, определил формулу советской архитектуры Урала и Сибири следующим образом: «Если бы вы были в индустриальных центрах – в Челябинске или Магнитогорске, там другие задачи, там не ставится никаких задач сохранения исторических особенностей, никаких стилевых задач, а просто – деловая архитектура, советский классицизм, советские конструкции, но без прикрас, украшения» [цит. по: 5, с. 58–59].

В силу суровых исторических условий и под действием более неблагоприятной среды развитие советской имперской архитектуры в Западной Сибири объективно шло по линии усиления духа коллективизма с минимальным проявлением индивидуализма. Именно дух индивидуализма в архитектуре порождает ансамблевый дисбаланс. Сотни штучных «неоампирных» зданий в Москве и десятки в Ленинграде настолько ярко выделяются на фоне городского ансамбля, что уже не взаимно дополняют друг друга, а конкурируют между собой в борьбе за архитектурное лидерство. По сравнению со столичными центрами западносибирская архитектура советского неоклассицизма более коллективистична и нормирована в цельном ансамблевом отношении. В ней больше собранности ансамбля, когда единство общего строя не нарушается выхождением из ряда, выпячиванием отдельного здания. С другой стороны, специфичность проблемы ансамблевой застройки улиц и площадей в городах Западной Сибири порождалась как раз более неблагоприятными периферийными условиями – это несбалансированность и повышенный полицентризм проектно-строительной системы, разбросанность финансирования, замедленные темпы массового жилищного строительства, полукустарность строительных методов, в целом крайне жесткая регулятивность отбора архитектурных форм. В результате активно идущее строительство рассредоточивалось по отдельным районам и окраинам городов рядом с заводами, и ни один из масштабных ансамблевых проектов городских центров Кемерово, Новосибирска, Омска и Томска конца 1940-х – начала 1950-х гг. так и не был доведен до конца [2, с. 486–487]. Тем не менее, несмотря на некоторое отставание ансамблевой застройки общегородского значения, в западносибирских городах успешно создаются центростремительные масштабные комплексы многоэтажной застройки, которые как локальные архитектурные ансамбли преобразуют облик районов и магистральных улиц в духе советского коллективизма (ул. Станиславского в Новосибирске, проспект Молотова в Сталинске (Новокузнецке), улица Спартака в Челябинске и др.).

Как известно, в 1948 г. начинается партийная борьба с космополитизмом, формализмом и идеализмом в советской архитектуре (статьи «Идейное воспитание кадров советской архитектуры», «В обстановке равнодушия и беспечности» в газете «Советское искусство» от 10 и 31 июля, статья А.В. Власова «Назревшие вопросы советского зодчества» в газете «Правда» от 25 сентября). По своему содержанию это борьба слабеющего духа коллективизма с усиливающимся духом мещанства. В Западной Сибири эта политическая кампания резко проявиться не успела. Планировалась масштабная высылка космополитов из центра на периферию, в «плавильный котел» Сибири, но и в этот раз сибирское архитектурное сообщество так и не пополнилось столичными профессиональными кадрами. В целом критиковались такие явления, как недостаток коллегиальности в руководстве архитектурой, идейная беспринципность и пассив-

ность, инертность столичных архитекторов, приспособленчество в условиях материального давления ведомственного заказчика, профессиональная цеховая замкнутость, нежелание участвовать в периферийном строительстве, уход в бумажное проектирование, отсутствие авторского надзора и отрыв от производственного процесса, «фасадничество» (приоритет отделки фасада), отрыв проектного дела от «голоса общественности», преобладание апологии над критикой в оценке творческих проектов на советских архитектурных выставках и вообще в теоретических вопросах архитектуры, подражательность западным идейно-художественным образцам. Дух коллективизма советской архитектуры в этот период заметно мобилизуется (рис. 6).

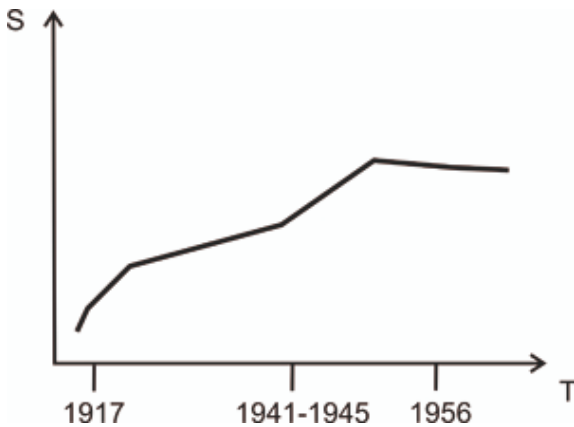

Рис. 6. Кривая роста духа коллективизма в советском обществе, отражающая принцип коллективистического императива советского неоклассицизма в Западной Сибири. Дух коллективизма (товарищества) в СССР после Октябрьской революции все время нарастал, при Н.С. Хрущёве начинается его спад.

S (spirit) – дух советского общества (дух коллективизма); T (time) – хронологическая шкала

Финальная стадия советской неоклассики – стадия интеграции в центре и на периферии – исторически совпала с послевоенным периодом социально-энергетического всплеска и экономического процветания советской империи, при котором по логике системного развития закономерно нарастает консерватизм культурных форм. В условиях новых технических возможностей архитектуры доминирующие ордерные приемы начинают уже стеснять, ограничивать прогрессивное развитие архитектурного процесса – типовое строительство крупнопанельных жилых зданий. В усложняющихся технических условиях многоэтажного серийного проектирования ордерная система утрачивает свою монополию и все больше превращается в нежизнеспособную архитектурную комбинацию. Даже многие новые типовые секции жилых зданий приобретают консервативный характер и в своей привязке к местным условиям начинают противоречить реальным архитектурно-строительным потребностям городов Западной Сибири по этажности, объемно-планировочным и конструктивным показателям. Возведение отдельных общественных зданий-гигантов, величественных Домов Советов, символических «маяков», высоко возвышающихся над общим уровнем городских ансамблей, уже вступает в диссонанс по отношению к очередным назревшим задачам типового архитектурного проектирования. Концептуально-идеологический базис советской имперской архитектуры догматизируется, героизация и индивидуализация явно преобладают над типизацией. Все более ускоряющаяся высокая динамика советского архитектурного развития уже в течение жизни одного поколения превращает концептуальные здания «сталинского ампира» в застывающие памятники великого, но уже уходящего имперского прошлого. Казалось бы, не успев окостенеть, «морально» они начинают быстро устаревать. Принцип коллективизма в советской архитектуре ослабевает, усиливается дух мещанства (рис. 7). Этот кризис – не «оттепель» системы, а «ржавчина» стиля. Такой архитектурный поворот имел объективные причины и был вызван не технико-экономическими, а прежде всего социально-политическими факторами (внутрипартийная борьба за власть в 1953–1956 гг.).

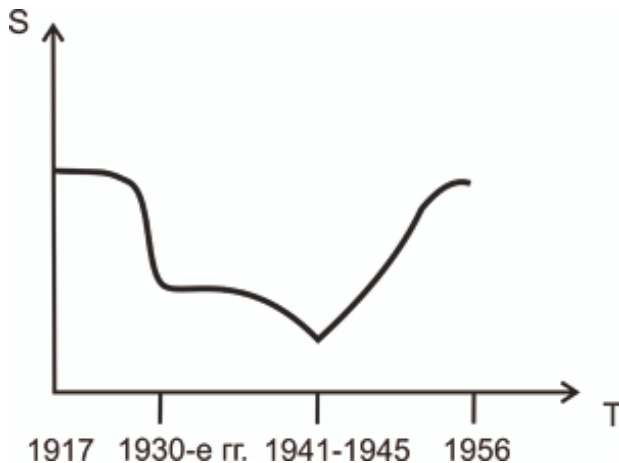

Рис. 7. Кривая падения и роста духа мещанства в советском обществе. Дух мещанства (потребительства) в СССР после Октябрьской революции и в годы репрессий неуклонно снижался, в Великую Отечественную войну после знакомства советских людей с западным образом жизни он начал нарастать и при Н.С. Хрущёве вышел на дореволюционный уровень. S (spirit) – дух советского общества (дух мещанства); T (time) – хронологическая шкала

На стадии процветания советской архитектурной системы в ней безмерно возрастает эстетико-функциональный дисбаланс. Силы советской империи многократно возросли, и практическое строительство стало разворачиваться с гигантским размахом. Отсюда чрезмерное изобилие декоративных вставок, башен, портиков, колоннад, фронтонов, сплошная рустовка стен и т.д. Однако такая колоссальная расточительность в средствах достижения высокого архитектурного результата не могла не вступать в противоречие с базисным принципом экономии в сфере архитектуры. С 1950 г. нарастает критика нецелесообразного использования декоративных элементов в советской архитектуре [8, с. 4], принимается постановление Совета Министров СССР «О снижении стоимости строительства» (09.05.1950).

Архитектура советского неоклассицизма становится богатой, но противоречивой и непропорциональной в своей безбрежной полноте. Усиливается расхождение между градостроительством, промышленной архитектурой и жилищным строительством. Делаются безуспешные попытки преодолеть ведомственную раздробленность практического строительства, «многочисленность» проектно-строительной системы, которая нарушает планомерную ансамблевую застройку в городах центра и периферии. Уместно привести наглядный пример подобного разброда и неуравновешенности в организации проектирования (отчетный доклад арх. И.Д. Белогорцева 1944 г.): «Промстройпроект, одна из крупнейших организаций Советского Союза, и рядом с ним Новосибирпроект находились в одном и том же здании и совершенно не интересовались, кто чем занимается, и вместо деловой спайки между ними возникла конкуренция... Промстройпроект, получая много материалов, не делился с Новосибирпроектом». По численности архитектурное сообщество Новосибирска занимало третье место после Москвы и Ленинграда, но его организационная структура в отличие от центра была крайне полицентрична: вместо единой скооперированной общегородской проектной организации или городского управления строительства имело место постоянно растущее количество слабо взаимодействующих проектных организаций различного ранга (с 12 до 33 за послевоенное десятилетие). То же самое наблюдалось и в других городах Западной Сибири [2, с. 488].

В творческих дискуссиях архитекторов 1952–1953 гг. находит свое отражение уже назревшая проблема проектирования фасада крупнопанельных жилых зданий, широко обсуждается вопрос, как совместить декоративно-художественную линию в архитектуре с тенденцией рационального технологизма и заводской унификации, свободу архитектурного творчества с индустриальными методами массового каркасно-панельного строительства. По мнению И.В. Жолтовского, типовое – это

и есть самое лучшее, творческое [6, с. 53]. И это в большой степени относится именно к архитектурной ситуации в Западной Сибири, где могли реализоваться только самые лучшие, т.е. наиболее приспособленные к местным периферийным условиям архитектурные проекты. Столичная эстетическая дряблость была просто не способна к адаптации в молодой и суровой Западной Сибири.

В этой связи характерны публикации, в которых слишком близко к тексту воспринимается профилактическая самокритика сибирских архитекторов с постоянными ссылками на низкое качество строительства и превозносится идеальная «бумажная архитектура», по сравнению с которой реализовавшиеся архитектурные формы описываются в таких эпитетах, как «безнадежность», «стеснительность», «маловыразительность объемов», «скверно выполненные скульптурные детали», «сухость», «жесткость», «вялость», «лапидарное решение», «несобранность», «грубый рисунок деталей», «обедненный фасад», «тенденция к упрощению» и т.п. [7, с. 150–153, 155]. Как свидетельствуют архивные источники, еще более резко о творчестве друг друга высказывались сами сибирские архитекторы. Однако не в этом состоит региональная специфика западносибирской советской неоклассики. Делать акцент на «бумажной архитектуре» – это своего рода идеализм, уход в «мир идей» Платона, в то время как реалистическое понимание специфического регионального архитектурного процесса состоит в том, что жизненное воплощение в городах Западной Сибири нашли как раз наиболее удачные, сильные и приспособленные архитектурные формы. Конечно, не следует забывать, что процесс их адаптации был сложным, а вся строгость самокритики сибирских мастеров того времени имела оборонительное значение, чтобы предупредить и заранее обезвредить критику из центра.

Вполне понятно, что в западносибирских городах распространение методов индустриально-поточного домостроения и внедрение типовых проектов из центра постоянно натывало на жесткое регулятивное действие системного отбора форм. Запаздывающий процесс получения «большого разнообразия типовых серий» проходил критическую обкатку на местной материально-технической производственной базе. Сокращение сроков строительства, несоответствующее качество строительных материалов, отсутствие надлежащих технических средств монтажа, несвоевременность и неполнота обеспечения проектной документацией со стороны центра, облегченность шлакоблочных и крупнопанельных индустриальных конструкций и вынужденное удешевление стоимости строительства приводило к значительной переработке столичных типовых проектов на местах [11, с. 63, 66]. Режим отрицательного благоприствования – вот что определяло специфику архитектуры советского неоклассицизма в городах Западной Сибири. Образно говоря, не все «культурные» и «декоративные» формы неоклассики могли прижиться в холодном сибирском климате, но те, которые принялись и проросли на местной почве, – это наиболее устойчивые архитектурные формы советского неоклассицизма (рис. 8).

В целом в процессе системного отбора форм в западносибирской архитектуре советского неоклассицизма все более обостряется коренное системное противоречие между отживающими и развивающимися архитектурными формами. В третьей, финальной стадии «сталинского ампира» тотально доминирующий ордер оказывается жизненно несовместимым с новыми архитектурными задачами многоэтажного жилищного строительства как в центре, так и на периферии. Если воспользоваться автобиографическим выражением новосибирского архитектора К.Е. Осипова, то применение классического ордера в Западной Сибири позволило перейти от «простых, хороших, красивых зданий» к «настоящей строгой, суровой красоте», но потом в новой обстановке он оказался «архитектурно излишним» и был отправлен на заслуженный отдых до лучших времен, до следующего взлета империи (рис. 9).

Однако определенно можно сказать, что если бы не наступивший системно-политический кризис, вызванный смертью И.В. Сталина и приведший к ослаблению империи СССР, то советская неоклассика еще достаточно длительное время продолжала бы свой творческий жиз-

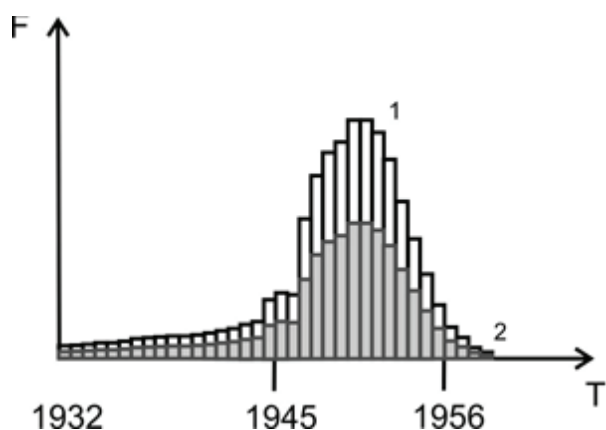

Рис. 8. Общие репрезентативные характеристики советского неоклассицизма в центре и на периферии. За основу берётся такой количественный параметр, как неоклассические архитектурные формы.

1 – неумеренный, роскошный столичный неоклассицизм;

2 – умеренный, запаздывающий, экономный западносибирский неоклассицизм.

Умеренность и неумеренность как противоположные свойства западносибирского и столичного ампира особенно проявились в послевоенные годы.

F (forms) – неоклассические архитектурные формы; T (time) – хронологическая шкала

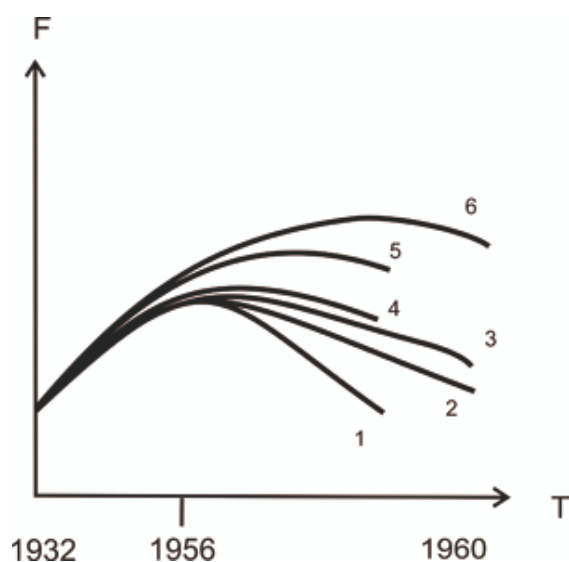

Рис. 9. Региональная специфика инерционного развития (затухания) советского неоклассицизма в Западной Сибири по отдельным городам.

1 – Новосибирск; 2 – Томск; 3 – Омск; 4 – Барнаул; 5 – Новокузнецк; 6 – Кемерово.

В Кемерово и Новокузнецке процесс запаздывания проявился сильнее, в Барнауле и Омске – слабее, в Новосибирске спад неоклассики произошел наиболее резко.

F (forms) – неоклассические архитектурные формы; T (time) – хронологическая шкала

ненный рост, дальнейшее усиление разнородности и чрезмерное обогащение архитектурными формами, а вышеизложенные архитектурные противоречия носили бы скрытый характер, не обнаруживая свою остроту (рис. 10). Вместо такого эволюционного процесса долгих количественных изменений постсталинская архитектура стилистически радикально упрощается, моментально становится однородной и узконаправленной в структурном, качественном отношении (рис. 11).

Политико-идеологический кризис советской системы второй половины 1950-х гг. завершает трехстадиальный процесс архитектурной динамики формообразования советского неоклассицизма и начинается очередной этап отрицательного системного отбора форм советской архи-

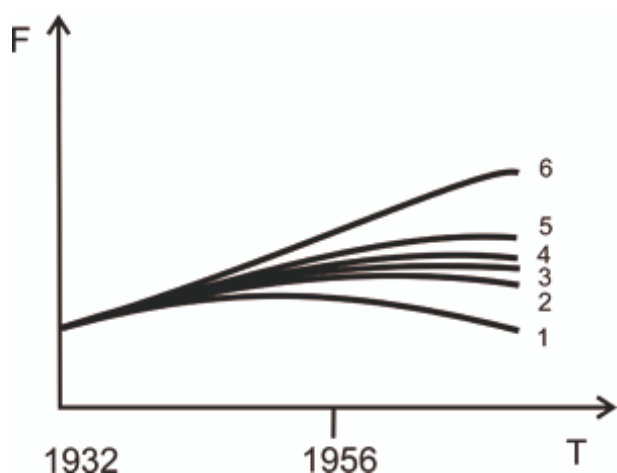

Рис. 10. Стилистическая стабилизация советского неоклассицизма в Западной Сибири. Вероятностный прогноз естественного развития стиля после 1956 г. в условиях типового жилищного строительства без учета влияния хрущевского субъективного фактора.

1 – Новосибирск; 2 – Томск; 3 – Омск; 4 – Барнаул; 5 – Кемерово; 6 – Новокузнецк.

F (forms) – неоклассические архитектурные формы; T (time) – хронологическая шкала

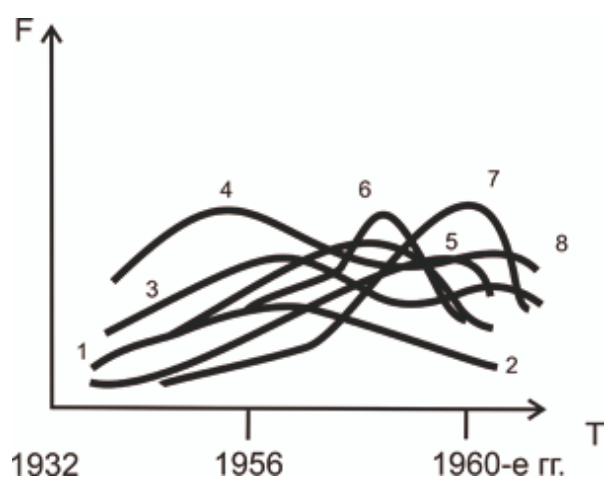

Рис. 11. Прохождение точки критического перехода 1956 г. в советском архитектурном стилеобразовании в центре и на периферии (по отдельным городам Западной Сибири). Советский неоклассицизм накопил огромный запас прочности и далеко не исчерпал своих потенциальных творческих ресурсов.

1 – Новосибирск; 2 – Омск; 3 – Барнаул; 4 – Томск;

5 – вероятностная модель развития столичной советской неоклассики без учета вмешательства Н.С. Хрущёва;

6 – Кемерово; 7 – Новокузнецк; 8 – вероятностная модель развития западносибирской советской неоклассики без учета вмешательства Н.С. Хрущёва.

F (forms) – неоклассические архитектурные формы; T (time) – хронологическая шкала

тектуры. Этот кризис выступил как ускоряющий контролирующий механизм и регулятор дисгармонично и непропорционально развивающегося многосложного архитектурного процесса советской неоклассики в сторону принципа экономии и структурного упрощения. Наконец происходит полный разрыв с критикуемыми ранее архитектурными излишествами. Шаг за шагом устанавливается структурная пропорциональность советской архитектуры, реализуются широкие возможности ее развития в форме индустриального многоэтажного строительства, но существенно ослабевает идейное содержание и дух коллективизма. Если бы не политический кризис, то системное улучшение советской имперской архитектуры и ее структурная гармонизация произошли бы естественным образом, через реформирование, без волюнтаризма, причем с сохранением неоклассики и с более контролируемыми результатами. Объективная закономерность и преемственность развития советской архитектуры не нарушается, но проис-

ходят заметные для общества субъективные архитектурные сдвиги со смещением стилистических акцентов, и системный отбор архитектурных форм переходит на новый эволюционный цикл.

Выводы

Архитектурная преемственность в Западной Сибири определяется имперским характером советского неоклассицизма. Советская империя подхватила эстафету Российской Империи, авторитарная имперская архитектура царизма сменилась коллективистской имперской архитектурой советского строя, а русский ампи́р в старых промышленных сибирских городах уступил место сталинскому, советскому ампи́ру в новых индустриальных и угольных городах Западной Сибири.

Региональная специфика западносибирского варианта советского неоклассицизма заключается в том, что он выступил как сильное звено в общей системе имперской архитектуры СССР по причине усиленного регулятивного отбора архитектурных форм в режиме наибольшего отрицательного благоприятствования. В Западной Сибири представлены наиболее устойчивые формы советской архитектуры чистого коллективизма, с минимальными архитектурными излишествами и слабо выраженным индивидуализмом как в отдельных зданиях, так и в ансамблевой застройке.

Примечания

¹ Протокол № 2 Заседания Общественного просмотра проекта реконструкции Дома Ленина от 14.02.1937 г. // ГАНО. Ф. Р-1444. Оп. 1. Д. 6. Л. 3-4.

² Письмо Секретариата Правления ССА СССР (Б.М. Иофан, Н.Я. Колли, Д.Е. Аркин) Председателю Правления Новосибирского отделения ССА (24.09.1941 г.) // ГАНО. Ф. Р-1444. Оп. 1. Д. 19. Л. 6-7.

³ Белогорцев И.Д. Отчётный доклад председателя Правления Новосибирского отделения ССА о работе за период 1942-1943 гг. // ГАНО. Ф. Р-1444. Оп. 1. Д. 23. Л. 2об-3.

⁴ Там же. Л. 5.

⁵ Выступление арх. Н.Г. Васильева в прениях по отчётному докладу председателя Правления Новосибирского отделения ССА Белогорцева И.Д. о работе за период 1942-1943 гг. // ГАНО. Ф. Р-1444. Оп. 1. Д. 23. Л. 9об.

Библиография

1. Духанов, С.С. Архитектурно-планировочные особенности городов угольной промышленности Западной Сибири 1940-х – 1950-х гг. / С.С. Духанов // Вестник ТГАСУ. – 2017. – № 5. – С. 88–98.
2. Духанов, С.С. Проблемы организации проектирования и застройки городов Западной Сибири в послевоенное десятилетие (1945 – 1955 гг.) / С.С. Духанов // Сибирские строители: события и судьбы: сб. ст. Всероссийской научной конференции (Сургут, 25–26 ноября 2016 г.) / Сургутский гос. ун-т. – Курган: Курганский Дом печати, 2017. – С. 485–496.
3. Журин, Н.П. Советское ар-деко – стилистический язык бывших конструктивистов в предвоенные годы в Новосибирске / Н.П. Журин // Будущее памятников архитектуры конструктивизма: материалы научно-практической конференции (Новосибирск, 17–18 ноября 2016 г.). – Новосибирск: НГУАДИ, 2017. – С. 40–47.
4. Косенкова, Ю.Л., Волчок, Ю.П. Хроника архитектурно-градостроительного процесса в СССР послевоенного периода (1945 – 1955 гг.) [Электронный ресурс] / Ю.Л. Косенкова, Ю.П. Волчок. – М.: НИИТИАГ, 2013–2015. – Введение. Аналитический обзор событий

- 1945 – 1948 гг. – С. 1–2– URL: http://www.niitiag.ru/pub/pub_cat/khronika_arkhitekturno_gradostroitel'nogo_protsessa_v_ssr_poslevoennogo_perioda
5. Косенкова, Ю.Л., Волчок, Ю.П. Хроника архитектурно-градостроительного процесса в СССР послевоенного периода (1945–1955 гг.) [Электронный ресурс] / Ю.Л. Косенкова, Ю.П. Волчок. – М.: НИИТИАГ, 2013–2015. – Хроника 1947 г. – С. 58–59. – URL: http://www.niitiag.ru/pub/pub_cat/khronika_arkhitekturno_gradostroitel'nogo_protsessa_v_ssr_poslevoennogo_perioda
 6. Мастера советской архитектуры об архитектуре. Избранные отрывки из писем, статей, выступлений и трактатов. В 2-х т. – М.: Искусство, 1975. – Т. 1. – 544 с.
 7. Петренко, С.Д. Неоклассика в архитектуре Новосибирска 1945 – 1954 гг. (к проблеме качества строительства) / С.Д. Петренко // Баландинские чтения. – 2014. – № 3. – С. 150–157.
 8. Промышленное строительство и задачи советских архитекторов. – М.: Гос. изд-во архитектуры и градостроительства, 1950. – 14 с.
 9. Тахтаджян, А.Л. Principia tectologica. Принципы организации и трансформации сложных систем: эволюционный подход / А.Л. Тахтаджян. – СПб.: Изд-во СПХФА, 2001. – 121 с.
 10. Хан-Магомедов, С.О. Хрущёвский утилитаризм: плюсы и минусы [Электронный ресурс] / С.О. Хан-Магомедов. – М.: НИИТИАГ, 2006. – URL: http://www.niitiag.ru/pub/pub_cat/han_magomedov_hrushhevskij_utilitarizm_pljusy_i_minusy
 11. Хиценко, Е.В. Проблемы перехода на типовое проектирование в Западной Сибири в середине 1950-х гг. / Е.В. Хиценко // Вестник ТГАСУ. – 2014. – № 3. – С. 60–67.

References

1. Dukhanov, S.S. (2017). Architecture and planning of coal industry cities in Western Siberia in the 1940-50s. *Journal of Construction and Architecture*, No. 5, pp. 88–98. (in Russian)
2. Dukhanov, S.S. (2017). Issues in the design and construction of cities in Western Siberia during the postwar decade (1945-1955). In: *Siberian Builders: Events and Fates. Collection of articles of the all-Russian scientific conference*. Kurgan: Kurgan Printing House, pp. 485–496. (in Russian)
3. Zhurin, N.P. (2016). Soviet Art Deco – the stylistic language of the former constructivists during the prewar years in Novosibirsk. In: *The Future of Architectural Monuments of Constructivism: Proceedings of the scientific and practical conference*. Novosibirsk: NGUADI, pp. 40–47. (in Russian)
4. Kosenkova, Yu.L., Volchok, Yu.P. (2013–2015). Introduction. Analytical survey of the events of 1945–1955. In: Kosenkova, Yu.L., Volchok, Yu.P. (eds.). *Chronicles of the Architectural and Urban Planning Process in the USSR of the Post-War Period (1945–1955)*. Moscow: NIITIAG, pp. 1–2. Available at: http://www.niitiag.ru/pub/pub_cat/khronika_arkhitekturno_gradostroitel'nogo_protsessa_v_ssr_poslevoennogo_perioda [Accessed 19 July 2021] (in Russian)
5. Kosenkova, Yu.L., Volchok, Yu.P. (2013–2015). Chronicles of 1947. In: Kosenkova, Yu.L., Volchok, Yu.P. (eds.). *Chronicles of the Architectural and Urban Planning Process in the USSR of the Post-War Period (1945–1955)*. Moscow: NIITIAG, pp. 58–59. Available at: http://www.niitiag.ru/pub/pub_cat/khronika_arkhitekturno_gradostroitel'nogo_protsessa_v_ssr_poslevoennogo_perioda [Accessed 19 July 2021] (in Russian)
6. Barkhin, M.G., Ikonnikov, A.V. et al. (eds.) (1975). *Masters of Soviet architecture about architecture. Selected fragments from letters, articles, speeches and essays*. Moscow: Iskusstvo, v. 1 (in Russian)
7. Petrenko, S.D. (2014). Neoclassicism in the Novosibirsk architecture of 1945–1954 (on the quality of construction work). *Balandin Readings*, No. 3, pp. 150–157. (in Russian)

8. Industrial construction and the tasks of Soviet architects. (1950). Moscow: Gos. izd-vo arhitektury i gradostroitel'stva. (in Russian)
9. Takhtadzhyan, A.L. (2001). Principia tectologica. Principles of organization and transformation of complex systems: an evolutionary approach. St. Petersburg: SPCPA Press. (in Russian)
10. Khan-Magomedov, S.O. (2006). Khrushchev's utilitarianism: advantages and disadvantages. [online]. NIITIAG. Available at: http://www.niitiag.ru/pub/pub_cat/han_magomedov_hrushhevskij_utilitarizm_pljusy_i_minusy [Accessed 19 July 2021] (in Russian)
11. Khitsenko, E.V. (2014). Problems of transition to standardized design in Western Siberia in the mid-1950s. Journal of Construction and Architecture, No. 3, pp. 60–67. (in Russian)

Лицензия Creative Commons

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция - на тех же условиях»).
4.0 Всемирная

Дата поступления: 02.06.2021